

ПРОБЛЕМА КРАСОТЫ ВЪ МІРО-СОЗЕРЦАНІИ ДОСТОЕВСКАГО *)

1. Есть достаточно основанія утверждать, что Достоевскій всю жизнь интересовался вопросомъ о красотѣ, о смыслѣ и задачахъ искусства. Онъ писалъ однажды своему брату: «Я присѣлъ за статью объ искусствѣ. Статья моя — плодъ десятилѣтнихъ обдумываній.... Это, собственно о назначеніи христіанства въ искусствѣ». Въ «Дневникѣ писателя» за 1873 годъ мы находимъ много отдѣльныхъ мыслей, которыя явно представляютъ отрывки изъ слагавшейся системы эстетическаго міровоззрѣнія, хотя уже въ это время у Достоевскаго бродили — недостаточно впрочемъ оформленными — тѣ мысли о трагедіи красоты, которыя съ такой силой высказываются имъ позже въ «Братьяхъ Карамазовыхъ». Въ одномъ письмѣ къ Полонскому Достоевскій пишетъ (въ 1876 г.): «хотѣлъ бы писать о литературѣ и о томъ, о чемъ никто съ тридцатыхъ годовъ ничего не писалъ — о чистой красотѣ».

Въ Достоевскомъ дѣйствительно все время шла большая внутренняя работа по вопросамъ о смыслѣ красоты, о задачахъ искусства, и если эта

*) Настоящій этюдъ представляетъ обработку рѣчи, произнесенной въ торжественномъ засѣданіи Рел. Фил. Академіи въ память Достоевскаго (въ февралѣ 1931 г.).

работа такъ мало все же (сравнительно съ другими темами) отразилась въ его творчествѣ, то причину этого надо искать въ томъ, что у него очень рано (но, конечно, уже послѣ каторги) намѣтилось глубокое раздвоеніе, съ которымъ онъ никакъ не могъ справиться. Съ одной стороны мысли Достоевскаго настойчиво развивались въ сторону тѣхъ идей, вершиной которыхъ является формула «красота спасетъ міръ», — съ другой стороны въ немъ съ меньшей силой — и чѣмъ дальше, тѣмъ определеннѣе — выступало сознание того, что красота есть *объектъ* спасенія, а не сила спасенія... Эти два цикла идей развивались у Достоевскаго параллельно, другъ друга путая и осложняя. По существу Достоевскій такъ и не справился съ этой трагической антиноміей, не смогъ выработать цѣльнаго эстетическаго міровоззрѣнія. Мы только можемъ слѣдить за борьбой двухъ антиномическихъ цикловъ идей у Достоевскаго, — «вѣра въ красоту» слишкомъ глубоко была связана съ его почвенничествомъ, чтобы легко уступить мѣсто трагической концепціи красоты. Крушеніе эстетической утопіи разрушало въ сущности всю систему исторіософіи Достоевскаго, обнажало затаенную мечту о «возстановленіи» человѣчества, вскрывало въ ней элементы настоящаго натурализма. Нужна была перестройка всего міровоззрѣнія — но смерть помѣшала выполнить эту задачу.

2. Ключъ къ діалектикѣ философскихъ исканій Достоевскаго лежитъ въ его антропологіи. Если первыя произведенія Достоевскаго (до каторги) еще недостаточно выявляютъ это, если увлеченіе утопическимъ социализмомъ въ раннемъ періодѣ ставитъ удареніе на темѣ объ устроеніи человѣчества и освобожденіи его отъ тяжестей неустроенной жизни — то какъ разъ каторга приноситъ рѣзкій переломъ. Загадка человѣческой души, сложность и «неустроенность» ея, тяж-

кое и темное подполье раскрываются передъ Достоевскимъ съ такой силой, съ такой неотразимостью, что всю жизнь остается онъ отравленнымъ тѣмъ, что привелось ему увидѣть и понять въ человеческой душѣ. Тотъ наивный оптимизмъ, который лежитъ въ основѣ теоріи прогресса и всяческихъ утопій, не могъ удержаться въ его душѣ — онъ пропалъ въ немъ навсегда. Какъ это часто бываетъ, Достоевскій не сразу овладѣлъ тѣмъ, что непосредственно вошло въ его душу въ годы каторги — но все его дальнѣйшее творчество по существу остается навсегда связаннымъ съ этимъ страшнымъ наследствомъ, жившимъ въ его душѣ, и черезъ художественное творчество Достоевскій какъ бы искалъ освобожденія отъ него. Темное въ человѣкѣ, хаотичность и неустроенность души, власть подполья и аморальность его, жуткая сила пола — всѣ эти темы были нужны Достоевскому, чтобы осмыслить то, на что онъ наглядѣлся на каторгѣ, и чтобы сбросить съ себя власть этихъ жуткихъ видѣній. Именно здѣсь по новому возникаетъ передъ Достоевскимъ прежняя тема «возстановленія падшаго человѣка», тема спасенія и исцѣленія его. То, что въ наивномъ, несозрѣвшемъ сознаніи опредѣляло тяготѣніе къ утопіямъ, облеклось въ живомъ опытѣ въ такую страшную, мучительную дѣйствительность, отъ которой хотѣлось убѣжать и о которой даже «жестокій талантъ» Достоевскаго не всегда рѣщался говорить читателю. Нужно было опуститься на самое дно, заглянуть въ ужающую темноту души, какъ это и привелось Достоевскому, чтобы въ этомъ опытѣ остро и неотразимо пережить нужду человечества въ спасеніи, въ исцѣленіи. Одинъ нѣмецкій писатель озаглавилъ свою статью о Достоевскомъ удачнымъ названіемъ: «Blick ins Chaos» — Достоевскій дѣйствительно заглянулъ въ тѣ глубины души человеческой, гдѣ передъ нимъ на всю жизнь прошли ви-

дѣнія хаотичности, неустроенности и темноты въ нашей душѣ.

Достоевскій не сталъ отъ этихъ видѣній ни циникомъ, ни пессимистомъ — въ немъ не угасла вѣра въ человѣка, несмотря на то, что увидѣлъ онъ всѣ гадости въ человѣкѣ. Скорѣе наоборотъ — любовь къ падшимъ людямъ, къ темной душѣ, къ «неустроеннымъ» натурамъ уцѣлѣла у него и даже стала глубже и прочнѣе. На всю жизнь эта любовь къ человѣческой душѣ связалась для Достоевскаго съ Евангеліемъ, съ проповѣдью Христа о любви, и христіанство для Достоевскаго открылось именно, какъ сила спасенія и какъ путь спасенія. Достоевскій понялъ въ Евангеліи самое существенное, понялъ то, для чего оно явилось въ міръ, — и странно, что именно въ этомъ видятъ свидѣтельство нѣкоторой узости Достоевскаго, упрекаютъ его въ блѣдности церковнаго пониманія христіанства, говорятъ о его преимущественно «евангельскомъ» усвоеніи христіанства...

Центральное значеніе идеи *спасенія* въ христіанствѣ нужно непременно имѣть въ виду, чтобы понять діалектику духовныхъ исканій и философскихъ построеній Достоевскаго. Эта діалектика опредѣляется двумя исходными темами — темой о паденіи человѣка и темой о его спасеніи и возстановленіи. Эти двѣ темы какъ бы двѣ главы изъ христіанской антропологии — одна предполагаетъ другую, вѣрнѣе одна сопряжена съ другой, ибо только въ своемъ сочетаніи они раскрываютъ *христіанское* ученіе о человѣкѣ. Лишь въ свѣтѣ христіанскаго ученія объ образѣ Божіемъ и о его возстановленіи въ падшемъ человѣкѣ черезъ обоженіе — до конца открывается вся ложь и неправда, вся тьма и неустроенность человѣка, неизбѣжность характеристики его, какъ «падшаго», а въ то же время открывается путь для «возстановленія» и спасенія.

Но какъ разъ именно въ этой точкѣ — въ ученіи объ образѣ Божіемъ, заключенномъ въ чело-вѣкѣ, но не дѣйствующемъ въ немъ благодаря силѣ грѣха — и таится источникъ очень глубокаго и исторически вліятельнаго искаженія христіанства, которое можно назвать «христіанскимъ натурализмомъ». Натурализмъ мы находимъ тамъ, гдѣ «естество» мыслителя способнымъ къ преобразенію своими собственными силами — такъ, все почвенничество съ его вѣрой въ народъ, въ «почву», въ естественныя силы народной души грѣшило такимъ натурализмомъ. Тайна преобразенія и отдѣльнаго чело-вѣка и народа мыслится внѣ Бога, спасеніе можетъ и должно придти отъ самаго чело-вѣка. Въ этихъ перспективахъ сама Церковь мыслится не какъ тѣло Христово, не какъ Богочеловѣческой организмъ, а какъ вошедшая уже въ міръ, какъ пребывающая въ немъ сила, сросшаяся съ естествомъ... Соблазнъ натурализма, недостаточное сознаніе всей конкретной связи добра и правды въ мірѣ съ благодатью Божіей — ждетъ насъ на каждомъ шагу, но съ особой силой встаетъ этотъ соблазнъ тогда, когда мы встрѣчаемся съ красотой. Есть въ красотѣ что то уже достигнутое, можно сказать уже преобразенное; красота предстаетъ передъ нами, какъ явленіе скрытой въ естествѣ силы, какъ свидѣтельство того, что спасеніе естества заключено въ немъ самомъ, въ его внутренней силѣ, обычно ослабленной и бездѣйственной. Этотъ соблазнъ неизбѣжно ведетъ къ эстетическому утопизму; ему отдали дань многіе русскіе мыслители, но особенно замѣчательно сказался эстетическій утопизмъ у Гоголя (*) и у Достоевскаго.

3. Обратимся къ Достоевскому и прослѣдимъ развитіе его эстетическихъ взглядовъ.

*) Крушеніе эстетической утопіи у Гоголя я изслѣдовалъ въ статьѣ, имѣющей появиться въ ближайшее время въ печати.

Однажды въ «Дневникѣ писателя» (за 1877 годъ) Достоевскій высказалъ такую мысль: «Величайшая красота человѣка, величайшая чистота его... обращаются ни во что, проходятъ безъ пользы человѣчеству... единственно потому, что всѣмъ этимъ дарамъ не хватило генія, чтобы управлять этимъ богатствомъ». Въ этомъ замѣчаніи, высказаннымъ «между прочимъ», заключено двѣ основныхъ мысли того религіозно-эстетическаго натурализма, который такъ глубоко сидѣлъ въ Достоевскомъ и опредѣлялъ его размышленія и замыслы. Красота есть свидѣтельство нѣкоего богатства, *уже* намъ даннаго, *уже* въ насъ заключеннаго... а съ другой стороны красота таитъ въ себѣ силу, для «управленія» которой необходимъ геній.

Обратимся сначала къ первой, очень характерной и существенной мысли Достоевскаго. Въ томъ же «Дневникѣ писателя» (за 1873 годъ) читаемъ: «красота есть нормальность, здоровье» и въ другомъ мѣстѣ: «красота есть гармонія, въ ней залогъ успокоенія, она воплощаетъ человѣку и человѣчеству его идеалы». Эта красота уже есть въ мірѣ, — и горе наше въ томъ, что мы ее не замѣчаемъ, проходимъ мимо нея, не пользуемся ею. «Я не понимаю, говоритъ князь Мышкинъ, какъ можно проходить мимо дерева и не быть счастливымъ, что видишь его.» Особенно много этой уже наличной, но незамѣчаемой нами красоты въ дѣтяхъ — въ своемъ ученіи о дѣтяхъ («дѣти до семи лѣтъ — существа особаго рода») Достоевскій возвышается до чисто евангельскаго любованія красотой дѣтской души. «Смѣющійся и веселящійся ребенокъ, читаемъ въ одномъ мѣстѣ въ «Подросткѣ» — *это лучъ изъ рая, это откровеніе изъ будущаго, когда человѣкъ станетъ такъ же чистъ и простъ душой, какъ дитя*». Всѣ эти мысли какъ въ фокусѣ сходятся въ формулѣ старца Зосимы: «Мы не понимаемъ, что жизнь есть рай (уже нынѣ! В. З.),

ибо стоит только намъ захотѣть понять и тотчасъ же онъ предстанетъ передъ нами во всей своей красотѣ». Эта красота міра, невидимая и закрытая для тѣхъ, кто не ищетъ красоты въ мірѣ, уже нынѣ разлита въ мірѣ — въ «природѣ, читаемъ въ одной замѣткѣ Достоевскаго, все рассчитано на нормальнаго человѣка, все рассчитано на святого и безгрѣшнаго». Красота есть въ мірѣ, она есть его богатство, его правда, — но она затемнена зломъ и грѣхомъ. Въ Подросткѣ находимъ замѣчательныя комментаріи къ картинѣ Лоррена, которую Достоевскій хотѣлъ бы назвать «золотой вѣкъ» (*). Достоевскій видитъ въ картинѣ «видѣніе чудеснаго сна о прекрасныхъ людяхъ, у которыхъ великій избытокъ непочатыхъ силъ создаетъ простодушную радость».

«О чудный сонъ, говоритъ далѣе Версиловъ, высокое заблужденіе! Мечта самая невѣроятная изъ всѣхъ, какія были, но которой все человѣчество всю свою жизнь отдавало всѣ свои силы, для которой всѣмъ жертвовали, безъ которой народы уже не хотятъ жить... И все это ощущеніе я какъ будто пережилъ въ этомъ снѣ. *Ощущеніе счастья, мнѣ еще неизвѣстное*, прошло сквозь все сердце мое даже до боли». Это глубокое ощущеніе красоты въ мірѣ, въ людяхъ,—реальной, но лишь закрытой—Достоевскій называетъ уже здѣсь «высокимъ заблужденіемъ», «мечтой самой невѣроятной» — и въ эти же годы онъ снова возвращается къ «невѣроятной мечтѣ» и пишетъ свой замѣчательный «Сонъ смѣшнаго человѣка», въ которомъ еще ярче и конкретнѣе представленъ человѣкъ въ его первоизданномъ красотѣ. Эта красота разрушена грѣхомъ (въ этомъ основная мысль этой маленькой фантазіи, насыщенной какой то особенной грустью

*) Чрезвычайно близко къ этой темѣ подходит Глѣбъ Успенскій въ своемъ этюдѣ о Венерѣ Милосской (Очеркъ «Выпрямила» въ «запискахъ Тяпушкина»).

о счастье, ушедшемъ въ глубь души и блещущемъ намъ лишь какъ мечта) — въ душѣ нашей сохранилось лишь влеченіе къ красотѣ, трепетное исканіе ея. Но о томъ, какъ по словамъ Достоевскаго, «помутилась эстетическая идея въ человѣчествѣ», скажемъ далѣе, вернемся пока къ ученію о красотѣ въ мірѣ и значеніи ея для насъ. «Я объявляю, говоритъ въ надрывѣ старикъ Верховенскій, что Шекспиръ и Рафаэль выше освобожденія крестьянъ, выше юнаго поколѣнія, выше почти всего уже человѣчества, — ибо они уже плодъ, настоящій плодъ всего человѣчества — и можетъ быть высшій плодъ, какой только можетъ быть... Да знаете ли вы, что безъ англичанъ еще можно прожить человѣчеству, безъ Германіи можно, безъ русскаго человѣка слишкомъ возможно, безъ науки можно, безъ хлѣба можно, *безъ одной только красоты невозможно*, ибо совсѣмъ нечего будетъ дѣлать на свѣтѣ. *Вся тайна тутъ, вся исторія тутъ*. Сама наука *не простоитъ безъ красоты*, обратится въ хамство». Эта замѣчательная тирада, вложенная въ уста Стефана Трофимовича, когда онъ былъ уже внѣ себя, развиваетъ однако одну изъ важнѣйшихъ мыслей Достоевскаго, что *все «держится» красотой*, которая и есть «вся тайна» жизни, ея правда и ея сила, ея основа и норма. О томъ, что «вся исторія тутъ» говоритъ тотъ же Стефанъ Трофимовичъ: «Человѣку гораздо необходимо собственнаго счастья знать и каждое мгновеніе вѣрить въ то, что есть гдѣ то уже совершенное и спокойное счастье — для всѣхъ и для всего. Весь законъ бытія человѣческаго *лишь въ томъ*, чтобы человѣкъ всегда могъ преклониться передъ безмѣрно великимъ. Если лишитъ людей безмѣрно великаго, то не станутъ они жить — и умрутъ въ отчаяніи. Безмѣрное и Безконечное такъ же необходимы человѣку, какъ та малая планета, на которой они живутъ». Потребность эстетиче-

скаго поклоненія охраняетъ въ человѣкѣ эту связь съ Безконечностью — и въ охранѣ ея, какъ мы увидимъ дальше, ключъ къ здоровью, въ разрушеніи ея — источникъ порчи и гибели.

Объ эстетической потребности, ея глубинѣ, гдѣ она неразрывно связана съ моральной и религіозной сферой, Достоевскій въ данномъ циклѣ идей училъ такъ, какъ училъ Шиллеръ: по своему существу влеченіе къ красотѣ представляется ему однороднымъ съ исканіемъ Безконечности (т. е. съ религіозными движеніями души), съ исканіемъ добра. Съ того времени, когда было нарушено это изначальное, внутреннее единство эстетическаго начала съ религіозной и моральной сферой — и «помутилась эстетическая идея въ человѣчествѣ». Въ своей же цѣльности эстетическое движеніе въ душѣ есть коренная основа нашего бытія. Вотъ что читаемъ мы въ замѣчательномъ отрывкѣ, въ которомъ Шатовъ излагаетъ Ставрогину его же собственныя мысли: «Разумъ и наука въ жизни народовъ всегда, теперь и съ начала вѣковъ исполняли должность лишь второстепенную и такъ и будутъ исполнять ее до конца вѣковъ. Народы *слагаются и движутся силой иной, повелѣвающей и господствующей, но происхожденіе которой неизвѣстно и необъяснимо. Эта сила есть сила неутолимаго желанія дойти до конца (т. е. достигъ совершенства — В. З.) и въ то же время конецъ отвергающая (т. е. ищущая въ совершенствѣ безконечнаго В. З.). Это есть сила непрерывнаго и неустаннаго подтвержденія своего бытія и отрицаніе смерти. Духъ жизни, какъ говоритъ Писаніе, «рѣки воды живой», изсяканіемъ которыхъ такъ угрожаетъ Апокалипсисъ. *Начало эстетическое, какъ говорятъ философы (*), начало нравственное, какъ отождествляютъ они же. Исканіе Бога, какъ назы-**

*) Конечно, здѣсь имѣется въ виду Шеллингъ.

ваю я его проще. Цѣль всего движенія народнаго, во всякомъ народѣ и во всякомъ періодѣ его бытія есть единственно лишь исканіе Бога... » Въ новыхъ матеріалахъ, нынѣ публикуемыхъ, находимъ у Достоевскаго такую мысль, близко подходящую къ приведенному отрывку: «Духъ Святой есть *непосредственное пониманіе красоты, пророческое сознаніе гармоніи* и стало быть и неуклонное стремленіе къ ней». Это эстетическое истолкованіе благодатнаго осѣненія души св. Духомъ или говоря иначе, религіозное истолкованіе эстетическаго движенія всецѣло связано для Достоевскаго съ ученіемъ объ изначальной цѣлостности въ человѣкѣ, о той внутренней связанности въ немъ эстетическаго, моральнаго и религіознаго начала, которое такъ типично для этого цикла идей о красотѣ въ мірѣ и о человѣкѣ, объ неутомимомъ исканіи нами красоты, о томъ что красотой держится міръ и исторія. Еще у старца Зосимы, поученія котораго развиваютъ эту же тему о красотѣ въ человѣкѣ, объ изначальной цѣлостности и правдѣ въ немъ, находимъ тѣ же мысли. «Многое отъ людей сокрыто, говоритъ онъ, но взамѣнъ того даровано намъ такое сокровенное ощущеніе живой связи съ міромъ инымъ». Именно это ощущеніе и опредѣляетъ и эстетическую отзывчивость и творческій смыслъ всякаго восторга. «Ищи восторга и изступленія, поучаетъ старецъ Зосима, изступленія же сего не стыдись, дорожи имъ, ибо оно есть даръ Божій, великій».

Въ матерьялахъ къ «Бѣсамъ» находимъ такое мѣсто: «Христось затѣмъ и приходилъ, чтобы человѣчество узнало, что и его земная природа, духъ человѣческій можетъ явиться дѣйствительно въ такомъ небесномъ блескѣ, на самомъ дѣлѣ и во плоти, а не то что въ одной мечтѣ и идеалѣ — *что это и естественно и возможно.*» Въ этихъ словахъ уже ясно выступаетъ неполнота христіанской

идеи — явленіе Христа берется не въ его искупительной жертвѣ, единственно спасшей насъ, а въ явленіи и раскрытіи первожданнаго образа Божія. Можно было бы, заостряя мысль Достоевскаго сказать даже, что спасительная сила заключена въ самомъ бытіи, но связана она грѣхомъ и происшедшимъ отсюда «затемнѣніемъ» и Христось вернулъ міру власть надъ этой силой... Отъ такой интерпретаціи недалеко уже до такого пониманія Христа, которое видитъ въ Немъ «посланника Божія», одушевленнаго силой свѣще, но не Сына Божія... Я не хочу приписывать Достоевскому такихъ мыслей, ему не свойственныхъ, но вѣра въ то, что сила спасенія дана міру отъ его созданія, что она заключена въ немъ, что красота есть свидѣтельство и явленіе этой силы и что нужно лишь овладѣть этой силой — и образуетъ основу христіанскаго натурализма у Достоевскаго. Правда, эстетическая идея «помутилась» въ человѣчествѣ и красота стала «загадкой» (какъ читаемъ въ томъ же «Идіотѣ», гдѣ высказана мысль и о томъ, что «красота спасетъ міръ») — но это уже начало другого цикла мыслей Достоевскаго, къ которымъ мы перейдемъ позднѣе.

Мотивы христіанскаго натурализма очень тонко и глубоко пронизываютъ собой многія рѣчи старца Зосимы, — и тутъ подлинное Православіе, съ его свѣтлымъ космоизмомъ, съ его ожиданіемъ «обоженія» міра черезъ Церковь и въ Церкви незамѣтно сочетается съ натурализмомъ, по существу упраздняющимъ Голгофу и смерть Спасителя, дѣлающимъ даже ненужнымъ Воскресеніе Спасителя, а живущимъ всецѣло откровеніемъ о Боговоплощеніи (*) да еще чудомъ претворенія «воды» въ «новое вино» — чудомъ, которое легко можетъ быть перетолковано именно въ тонахъ христіан-

*) То же самое характерно для богословія В. В. Розанова, если только можно говорить о его «богословіи».

скаго натурализма, не знающаго того, что Церковь благодать спасенія сообщаетъ лишь черезъ таинства...

4. Въ свѣтѣ развитыхъ мыслей по новому освѣщается дорогая Достоевскому идея «возстановленія падшаго человѣка», идея спасенія. Мы говорили уже о томъ, что въ этой идеѣ Достоевскій стоитъ по существу на почвѣ *церковнаго* пониманія христіанства, но спасительная сила Церкви разумѣется здѣсь опять же въ категоріи «святости» (параллельной категоріи «Боговоплощенія»), а не подается въ таинствахъ. Есть одно замѣчательное мѣсто въ «Братьяхъ Карамазовыхъ», въ которыхъ достигаютъ предѣльнаго выраженія мотивы христіанскаго натурализма, признаніе, что спасеніе приходитъ не извнѣ, (не отъ Бога и отъ Церкви), а отъ самой сущности человѣка, если она «святится», т. е. сбрасываетъ силу грѣха. Вотъ это мѣсто (размышленія Алеши о старцѣ Зосимѣ): «Все равно онъ святъ, *въ его сердце тайна обновленія для всѣхъ*, та мощь, которая установитъ наконецъ, правду на землѣ, — и будутъ всѣ святы и будутъ любить другъ друга и не будетъ ни богатыхъ, ни бѣдныхъ, ни возвышающихся, ни униженныхъ, а будутъ всѣ какъ дѣти Божіи и наступитъ Царство Божіе». «Вотъ о чемъ грезилось сердцу Алеши», — добавляетъ Достоевскій. Одному ли Алешѣ — или самому Достоевскому? Думаю, что да. Въ наступленіи царства Божія—въ этой системѣ идей—нѣтъ ничего, превышающаго силы человѣческаго — оно должно стать явнымъ и мощнымъ, ибо оно уже есть въ глубинѣ «земли», и путь святости, путь любви даетъ просторъ этой силѣ. Именно здѣсь и данъ надлежащій комментарий къ мысли кн. Мышкина, что «красота спасетъ міръ». Здѣсь не сказано — *искусство* — и потому эстетическая утопія Достоевскаго отлична отъ эстетической утопіи Гоголя или Скрябина. Если красота,

какъ объективная сила, а не какъ творчество художественное, можетъ спасти міръ, то это значитъ иначе, что возстановленіе той цѣлостности міра, которая сохранилась въ глубинѣ его и которая и есть источникъ красоты, какъ сила святого Духа, соприсущая міру, — спасетъ міръ, если она возобладаетъ надъ «помутнѣніемъ» эстетической идеи въ человѣчествѣ. Спасеніе міра черезъ красоту есть спасеніе черезъ святость, черезъ явленіе той силы, которая задавлена грѣхомъ.

Формула о спасеніи міра черезъ красоту есть формула *софіологическая* — и въ томъ смыслѣ, что она покоится на признаніи, что красота міра восходитъ къ идеальной основѣ, къ софійной глубинѣ міра и въ томъ смыслѣ, что «спасеніе» міра есть именно «возстановленіе» т. е. проявленіе софійной основы міра, сдавленной и прикрытой темной оболочкой грѣха и неправды. Эстетическая философія не можетъ быть вообще иной, какъ софіологической, если она считаетъ красоту реальностью, а не видимостью» («Schein» какъ гласитъ эстетика нѣмецкая), — ибо въ красотѣ данъ одинъ изъ важнѣйшихъ мотивовъ софіологии вообще (*). Но въ русской софіологии недостаточно было взвѣшено то, что эстетическая идея «помутилась въ человѣчествѣ», что есть «темный ликъ тварной Софіи» (**). Достоевскій больше другихъ приблизился къ этой сторонѣ проблемы, въ учетѣ которой софіология освобождается впервые отъ элементовъ натурализма и безукоризно выражаетъ христіанское ученіе о мірѣ, какъ его хранитъ Православная Церковь. Мы сейчасъ перейдемъ къ тому, что думалъ Достоевскій о «помутнѣніи» эстетической идеи, пока же подчеркнемъ, что въ

*) См. мою статью «Преодоленіе платонизма и софійное пониманіе міра». Путь.

***) См. мой этюдъ, подготовляемый къ печати, на тему «Темный ликъ тварной Софіи».

формуль о спасеніи міра черезъ красоту дана не апологія искусства, а дана *религіозная идея* — спасенія міра черезъ святость, черезъ возстановленіе образа Божія въ насъ.

5. Я не вижу надобности въ томъ, чтобы строить ту гипотезу, которую выдвинулъ Комаровичъ относительно эстетическаго и духовнаго перелома въ Достоевскомъ, когда онъ былъ въ Дрезденѣ. Изъ представленнаго матерьяла, развернутаго правда не въ генетическомъ порядкѣ, для чего еще нѣтъ достаточно данныхъ, а въ систематическомъ обзорѣ, видно, что въ эстетической сферѣ Достоевскій съ ранней поры сосредоточивалъ свои лучшія упованія и почерпалъ силы для вѣры въ возможность «преображенія». Въ пору увлеченія утопическимъ социализмомъ, который оформилъ впервые мысли о «нормальномъ устроеніи» человѣка и человѣчества, Достоевскій горячо и страстно жилъ темами искусства, хотя ясно еще не формулировалъ своей эстетической утопіи. Крушеніе вѣры во внѣшніе пути «нормальнаго устроенія» человѣка и человѣчества, близкое знакомство со всей тьмой въ человѣкѣ, открывшейся ему на каторгѣ, сознаніе, что «возстановленіе падшаго человѣка» возможно лишь на тѣхъ путяхъ внутренняго преображенія, какія раскрылъ людямъ Христось, обусловило появленіе эстетической и натуралистической утопіи, связанной съ ученіемъ «почвенничества», съ признаніемъ, что въ человѣкѣ и человѣчествѣ есть богатѣйшія силы, задавленныя грѣхомъ и неправдой, силы эстетическія. Начало эстетическое здѣсь берется какъ цѣлостное, внутреннее, соединенное съ моральной и религіозной сферой, какъ поклоненіе Высшему Началу, — богословски говоря, какъ сила Св. Духа, дѣйствующая въ мірѣ.

Но эта религіозно-эстетическая концепція оказалась непрочною — уже въ силу того, что налич-

ность эстетического начала не предоохранила міръ отъ паденія и отъ извращенной любви къ грѣху. Моральная сфера и эстетическое начало не пребываютъ въ изначальномъ ихъ единствѣ. Уже въ «Идіотѣ» о красотѣ говорится, что она есть загадка — повидимому въ томъ смыслѣ, что она безсильна и не можетъ явить себя въ своей глубинѣ, которая остается скрытой.

Я уже приводилъ тѣ строки изъ письма Достоевскаго къ брату, гдѣ онъ сообщаетъ о томъ, что пишетъ «письма объ искусствѣ»: «Это собственно о назначеніи христіанства въ искусствѣ». Если вдуматься въ эти строки и сопоставить ихъ съ извѣстной мыслью Гоголя, что въ искусствѣ намъ даны «незримыя ступени къ христіанству» т.е. раскрыто назначеніе искусства въ христіанствѣ (а не христіанства въ искусствѣ, какъ пишетъ Достоевскій), то становится яснымъ, что для Достоевскаго искусство внѣ христіанства какъ бы не справляется съ своей задачей, что оно не можетъ раскрыть своихъ крыльевъ безъ христіанства и «назначеніе христіанства въ искусствѣ» должно было бы очевидно въ томъ и состоять, чтобы «помочь» искусству. *Быть можетъ* даже спасти его? До этой мысли, къ которой по существу Достоевскій шелъ, онъ такъ и не дошелъ, но она бросаетъ свѣтъ на діалектику его исканій въ этой области. Вѣдь вся бѣда въ томъ по Достоевскому, что «эстетическая идея помутилась въ человѣкѣ». Смыслъ этой знаменательной фразы можетъ быть истолкованъ лишь такъ, что сила, которая была присуща эстетическому началу въ его существѣ, въ его изначальной цѣлостности (гдѣ оно внутренне соединено съ моральной чистотой и религіозной правдой) ослабѣла въ немъ, *ибо розорвалась эта изначальная связь красоты и добра, искусства и морали.* Здѣсь лежитъ ключъ ко всѣмъ дальнѣйшимъ горькимъ мыслямъ Достоевскаго, подтачивавшимъ его

эстетическую утопію. Аморальность, царящая въ подпольѣ человѣка, изображенная съ такой силой въ «Запискахъ изъ подполья», есть нынѣ основной фактъ о человѣкѣ, и Достоевскій, развивая эти темы, первоначально развиваетъ ихъ внѣ связи съ проблемой эстетическаго начала (кн. Валковскій, Свидригаловъ, Раскольниковъ). Уже въ раннемъ замыслѣ «Бѣсовъ», который сталъ нынѣ извѣстенъ, встрѣчается впервые подходъ къ сближенію проблемы человѣческой мерзости съ эстетической жизнью въ насъ. Въ «Идіотѣ», который какъ нынѣ извѣстно, подвергся очень серьезной переработкѣ, хотя и дана рѣшительная формула эстетической утопіи («красота спасетъ міръ»), но дана она все же не въ прямой рѣчи, а какъ то вскользь. И въ томъ же Идіотѣ есть реплика князя о томъ, что «красота — загадка». Рѣзче и острѣ сомнѣнія эти выражены въ рѣчахъ Ипполита. Именно онъ самъ, приведя слова князя о спасительной силѣ красоты спрашиваетъ его — «какая красота спасетъ міръ?» Что можетъ значить это сомнѣніе? Не то ли, что не всякая красота спасетъ міръ?

Въ «Бѣсахъ», какъ они были закончены Достоевскимъ, уже становится ясной двусмысленность красоты, и носителемъ этой двусмысленности является Ставрогинъ. (Первоначально онъ — «князь» — продолженіе, хотя и въ обратную сторону, того, что отлилось въ образъ князя Мышкина). «Вы говорили — слова Шатова Ставрогину — что не знаете различія въ красотѣ между какойнибудь сладострастной звѣрской шуткой и какимъ угодно подвигомъ — хотя бы жертвой жизнью для человѣчества. Правда ли, что въ обоихъ полюсахъ вы нашли *совпаденіе красоты*, одинаковость наслажденія?» Ужъ поистинѣ «помутилась» эстетическая идея въ человѣчествѣ, если красота оказывается столь двухсмысленной, что объ единствѣ

красоты и добра уже невозможно говорить. «Бѣсы» вообще насыщены темой красоты — тамъ всѣ главные герои говорятъ о красотѣ, какъ бы заморожены ею, даже Верховенскій младшій, который говоритъ: «Я нигилистъ, но люблю красоту». Вотъ то и страшно, что можно любить красоту и оставаться нигилистомъ. О какой тутъ «спасательной силѣ» красоты можетъ идти рѣчь — не оказалась бы красота не силой спасенія, а лишь соблазномъ, уводящимъ въ темную безконечность грѣха... Психологія Ставрогина (которому предшествуетъ въ этомъ кн. Валковскій и Свидригайловъ) уже связана съ жуткой тайной пола — исповѣдь его представляетъ ужасную, страшную обнаженность этой сферы. Изъ «записокъ» князя, предшествовавшихъ «Бѣсамъ» узнаемъ, что князь (Ставрогинъ) понимаетъ, что его могъ бы спасти энтузіазмъ, но для энтузіазма недостаетъ ему нравственнаго чувства. *Это и есть разложеніе изначальной цѣлостности*, въ которой эстетическое и нравственное начало едины: энтузіазмъ (то самое «изступленіе», о которомъ говоритъ такъ глубоко старецъ Зосима) возможенъ лишь при воссоединеніи вновь эстетической и моральной жизни. Потому Шатовъ и совѣтуетъ Ставрогину излѣчиться трудомъ (т. е. аскезой), — а въ упомянутыхъ запискахъ князя, послѣ приведенныхъ словъ читаемъ: «эстетическое начало зависитъ отъ религіи т. е. предполагаетъ святую душу, обращенность ея къ Богу и добру».

Въ замыслѣ «Идіота», какъ видимъ изъ одного письма Достоевскаго, было «изобразить положительно прекраснаго человѣка. Труднѣе этого нѣтъ ничего на свѣтѣ.... Прекрасное есть лишь идеаль... на свѣтѣ есть одно только положительно прекрасное лицо — Христось». Эти строки оставляютъ впечатлѣніе — что тайна Богочеловѣчества Христа, которую вообще Достоевскій чувствовалъ

хорошо, въ этомъ контекстѣ выпадаетъ и передъ нами чисто человѣческій ликъ Христа — ибо онъ становится «идеаломъ» человѣка! Весь привкусъ натурализма сказывается именно въ томъ, что та полнота, что то совершенство, которое мыслится во Христѣ, какъ человѣкѣ, какъ бы относится къ обычному человѣку, какъ его скрытая, первозданная святыня. Дѣти для Достоевскаго сіяли *этой* красотой, старецъ Зосима уже заключилъ въ себѣ «тайну обновленія для всѣхъ», и во всѣхъ насъ остается нераскрытой эта тайна обновленія. «Меня ужаснула великая праздная сила, ушедшая нарочито въ мерзость», говоритъ старецъ Ставрогину — ибо та сила обновленія, которая скрыта въ насъ, если она остается «праздной», если разрушается внутренняя связь между эстетическимъ и нравственнымъ началомъ (сочетаніе котораго, какъ мы видѣли, невозможно для падшаго человѣка внѣ религіи) — переходитъ въ извращенія и мерзость. Въ сущности, «помутнѣніе эстетической идеи» выражаетъ не моральную, а онтологическую сторону грѣха — губящаго ту чистоту и ясность, которая охраняетъ видѣніе Бога.

Но на этомъ не остановилась критическая работа Достоевскаго — его анализъ пошелъ дальше и далъ намъ ту исключительную по глубинѣ и жуткой своей правдѣ тираду Дмитрія Карамазова, въ которой мы находимъ нѣсколько различныхъ тезисовъ.

6. Въ виду крайней важности этого заключительнаго аккорда въ эстетической философіи Достоевскаго, заканчивающаго разрушеніе его эстетической утопіи, мы приведемъ цѣликомъ рѣчь Дмитрія Карамазова — чтобы для читателя легче было разложить ее на составныя части: въ ней сгущено сразу много отдѣльныхъ мотивовъ.

«Я падаю и считаю это для себя красотой, говоритъ Митя Алешѣ. Красота эта страшная и

ужасная вещь. Страшная потому, что неопредѣлимая, а опредѣлить нельзя, потому что Богъ задалъ одни загадки. Тутъ берега сходятся, тутъ всѣ противорѣчія вмѣстѣ живутъ.... Перенести я при томъ не могу, что иной, высшій даже сердцемъ человѣкъ и съ умомъ высокимъ, начинается съ идеала Мадонны, а кончаетъ идеаломъ Содомскимъ. Еще страшнѣе, кто уже съ идеаломъ Содомскимъ въ душѣ не отрицаетъ и идеала Мадонны и горитъ отъ него сердце. Нѣтъ, широкъ человѣкъ, слишкомъ широкъ, я бы съузилъ. Что уму представляется позоромъ, то сердцу сплошь красотой.... Въ содомѣ красота и сидитъ для огромнаго большинства людей — зналъ ли ты эту тайну или нѣтъ? Ужасно то, что красота есть не только страшная, но и таинственная вещь. Тутъ діаволь съ Богомъ борется, а поле битвы сердце человѣка».

Въ этой небольшой, но гениальной тирадѣ заключено сразу много очень важныхъ идей — въ острой и лапидарной формѣ здѣсь сгущены всѣ сомнѣнія, всѣ тяжкія размышленія Достоевскаго надъ загадкой красоты. Я хотѣлъ бы выдѣлить *четыре* основныхъ идеи, которыя вскрываютъ передъ нами діалектику эстетическихъ исканій Достоевскаго.

Первая и главная мысль, которая разрушаетъ всю наивную мечту о «спасительной силѣ» красоты, заключается въ той *двусмысленности* эстетическаго воспріятія, которая игнорируетъ различіе добра и зла. Можно думать, что въ этой части рѣчи Мити, гдѣ указано нѣсколько типовъ двусмысленности эстетическаго восторга, воспроизводится ходъ собственныхъ горькихъ открытій Достоевскаго. Первое открытіе заключалось въ томъ, что въ развитіи эстетической жизни можно начать Мадонной и кончить Содомомъ, въ которомъ сердце тоже усматриваетъ красоту. Это и есть то, что Достоевскій понялъ въ своей мысли, что «эстетическая

идея помутилась въ челоуѣчествѣ» — а именно, что мы можемъ находить красоту въ грѣхѣ и безобразіи (моральномъ): «что уму (т. е. моральному сознанию) представляется позоромъ, то сердцу сплошь красотой». Красота стоитъ, употребляя выраженіе Ницше, «по ту сторону добра и зла», т. е. она можетъ быть и добромъ и зломъ, *нѣтъ поэтому никакой внутренней связи между красотой и добромъ*, красота равнодушна къ добру и на красоту нельзя положиться. Можно пожалуй начать съ идеала Мадонны — но это и будетъ лишь начальная фаза... На высшей стадіи находимъ людей, которые *совмѣщаютъ* Содомскій идеаль съ поклоненіемъ Мадоннѣ, съ горѣніемъ сердца о ней. Эта стадія еще страшнѣе — потому что если въ первой части Достоевскій утверждалъ отсутствіе внутренней связи красоты и добра, возможность восторга и нахождения красоты въ злѣ, т. е. разрушаетъ всю свою эстетическую утопію — то въ этомъ «высшемъ» типѣ встаетъ *загадка* красоты, которая не только можетъ быть находима во злѣ, но которая дѣлаетъ равноцѣнными и добро и зло. Это уже не двусмысленность красоты — это есть «ужасное» въ ней. Недаромъ здѣсь употреблено слово о Содомѣ, — здѣсь недоговорена лишь тема, которой насыщена вся книга «Братьевъ Карамазовыхъ» — тема о полѣ (*). Какъ разъ именно связь красоты съ поломъ и создаетъ ея загадку — ибо дѣло уже не только въ томъ, что нѣтъ внутренней связи между добромъ и красотой, т. е. не только на двусмысленности красоты, въ внѣморальности ея, — но и въ томъ, что полъ глубоко связанъ съ красотой не только въ своихъ нормальныхъ, но и своихъ извращенныхъ выраженіяхъ. Извращенія въ области по-

*) См. мой этюдъ о Федорѣ Павловичѣ Карамазовѣ, посвященный проблемѣ пола въ «Братяхъ Карам.» Сборникъ статей о Достоевскомъ изд. А. Бемомъ. Вып. II.

ла («позоръ» для моральнаго сознанія) суть извращенія съ моральной, но *не эстетической точки зрѣнія*... Есть загадка въ самомъ полѣ (намѣченная впервые въ кн. Валковскомъ, затѣмъ развитая въ Свидригайловѣ, въ Ставрогинѣ и достигающая своего полнаго развитія во всей семьѣ Карамазовыхъ). Вся Карамазовщина связана съ поломъ — и красота оказывается до такой степени связана съ поломъ, что она ему сопутствуетъ во всѣхъ его искривленіяхъ. Черезъ полъ душа все такъ же ищетъ *красоты, какъ и внѣ его*. Въ этомъ и есть ужасъ того «открытія», которое дѣлаетъ Достоевскій. И конечно, тѣ связыванія эстетической сферы съ поломъ, которыя со времени Дарвина получили мѣсто и въ эстетикѣ и въ біологіи, представляются дѣтскими и поверхностными въ отношеніи къ тѣмъ безднамъ, которыми окруженъ здѣсь человекъ для Достоевскаго. О томъ же Митѣ Карамазовѣ, которому вложены въ уста замѣчательныя слова о красотѣ, говоритъ прокуроръ, (*) что его тянутъ къ себѣ двѣ бездны — бездна вверху и бездна внизу. Къ этой обращенности нашей души одновременно къ двумъ безднамъ какъ разъ и относится третій циклъ мыслей Достоевскаго о томъ, что «широкъ, слишкомъ широкъ человекъ»; «я бы съузиль», сказано дальше. Человекъ малъ и бѣденъ, ничтоженъ и слабъ для того, чтобы овладѣть той свободой, которая открыта ему благодаря этому; эстетическая двусмысленность, съ которой столкнулся Достоевскій, прикрываетъ тайну свободы и *въ то же время расширяетъ эту тему*, ибо свобода не въ одномъ выборѣ добра и зла, но возможна свобода *отъ* морали. Эстетическій аспектъ свободы ставитъ гораздо шире и трагичнѣе ея тему, а главное

*) Подробнѣе объ этомъ очень важномъ комплексѣ идей см. мой этюдъ о Федорѣ Павловичѣ Карамазовѣ.

раскрываетъ безпомощность человѣка. Вся загадка красоты въ томъ и заключается, что красота непостижимо связана съ духовнымъ стояніемъ передъ двумя безднами, что она слѣдовательно глубже ихъ обоихъ, что она къ побѣдѣ добра въ человѣкѣ не имѣетъ либо никакого отношенія, либо не имѣетъ во всякомъ случаѣ того отношенія, какое мыслилъ Достоевскій къ своей эстетической утопії. Въ противовѣсъ идилическому и наивному взгляду князя Мышкина мы узнаемъ теперь, что красота не только не спасетъ міра, но что она губитъ и погубитъ быть можетъ міръ. Гоняясь за красотой, человѣкъ какъ разъ и вступаетъ въ ту плоскость, гдѣ передъ нимъ раскрываются двѣ бездны, одинаково манящія, одинаково неподчиняющіяся человѣку и стремящіяся его поглотить. И то, что это исканіе красоты связано съ «безудержемъ» пола, что полъ въ человѣкѣ, будучи источникомъ всего глубокаго, является въ то же время источникомъ самыхъ ужасныхъ паденій его вродѣ тѣхъ, о которыхъ рассказываетъ Ставрогинъ въ своей исповѣди — это то и показываетъ всю неустроенность человѣка, всю безпомощность его, раскрывая въ то же время загадочность красоты.

Послѣдній аккордъ, которымъ кончается этотъ гениальный отрывокъ, посвященъ именно таинственности красоты. Каковъ смыслъ этой части рѣчи Мити? «Поле битвы между дьяволомъ и Богомъ — сердце человѣка», — это значитъ, что наша борьба идетъ въ сердцѣ, но сердце наше само безпомощно, *ибо оно ослабляется красотой*, которая лишаетъ его моральной силы, моральной свободы, превращаетъ человѣка въ какой то медіумъ, усваивающій лучи, исходящія изъ двухъ противоположныхъ и борющихся силъ. Борьба зла съ Богомъ *идетъ подъ прикрытіемъ красоты, она должна происходить въ сердцѣ человеческомъ*, ибо къ тому и призванъ человѣкъ, но его натураль-

ное, естественное влеченіе къ красотѣ — то самое, которому посвящено столько мудрыхъ и свѣтлыхъ мыслей старца Зосимы, то, на которое еще и нынѣ въ «Братьяхъ Карамазовыхъ» возлагаетъ Достоевскій столько надеждъ — *оно не можетъ явится силой спасенія*. Не красота спасетъ міръ, но красоту въ мірѣ нужно спасать — вотъ страшный трагическій выводъ, къ которому подходитъ, но котораго не смѣетъ осознать Достоевскій. Красота въ мірѣ является предметомъ «борьбы» между злымъ началомъ и Богомъ. Есть красота внѣ міра — вѣчная, изначальная красота въ Богѣ, но красота въ мірѣ попала въ плѣнъ злу... Защитники софійнаго пониманія міра не хотѣли и не хотятъ понять того, что тварная Софія или Софія въ мірѣ хотя и сохранила силу красоты въ своей цѣлостности, одѣвая міръ всюду и всегда чудной красотой — но въ самой Софіи міра, какъ носителѣ красоты, *произошло раздвоеніе*, подобное раздвоенію личности у насъ; кромѣ свѣтлаго лика Софіи возникъ темный ликъ тварной Софіи. Красота осталась сама по себѣ незатронутой этимъ раздвоеніемъ и оттого стала возможной «злая красота», красота демонизма, — и самая красота зла свидѣтельствуемъ о томъ, что зло восходитъ въ своей основѣ къ первоначальному бытію, къ той стадіи въ жизни твари, когда все было «добро зѣло». Но именно оттого, что красота осталась незатронутой возникновеніемъ зла, что она «свѣтитъ и злу» (но не освящаетъ и не преображаетъ зла — это понялъ Достоевскій съ ужасомъ, съ надрывомъ; см. особенно рѣчи Мити), она является какъ бы залогомъ спасенія, она вѣчно возвращаетъ въ самомъ злѣ къ изначальной цѣлостности бытія. Но красоту въ мірѣ надо спасать — и это спасеніе красоты въ мірѣ только и возможно какъ оцерковленіе міра и души.

7. Намъ незачѣмъ продолжать развитіе этихъ

мыслей, потому что мы переходимъ уже за грани того, что успѣлъ сказать Достоевскій. Намъ важно не досказать за него то, что не успѣлъ онъ выразить, а понять діалектику въ его мысли и философски осмыслить тотъ переломъ, который въ немъ произошелъ.

Философская позиція Достоевскаго была въ чрезвычайно глубокой степени охвачена *натурализмомъ* т. е. вѣрой въ естество, въ силу и правду естества. Приближеніе къ тайнѣ зла во время пребыванія на каторгѣ явилось основной силой въ діалектикѣ исканій Достоевскаго, ибо оно разрушало и наивный оптимизмъ всякаго просвѣщенства и освѣщало «тьму» въ «естествѣ». Тайнственно плѣненный видѣніемъ этой тьмы Достоевскій хотѣлъ до конца ее обнажить, самъ держась все же за нѣсколько преобразенный натурализмъ — за вѣру въ «почву», въ народную душу, въ геній народа. Изъ этой вѣры его старое поклоненіе красотѣ, вся его «Шиллеровщина» перешли въ эстетическую утопію, въ новую горячую вѣру въ спасающую силу красоты, въ преображающій смыслъ восторга и изступленія, въ преображеніе черезъ святость нашего естества, въ возможность черезъ святость обновленія и востановленія — въ порядкѣ «эволюціи», свободной, но «естественной» для человѣка. Но уже въ періодъ оформленія этой утопіи у Достоевскаго стала все тревожнѣе и мучительнѣе выступать «загадка» красоты — пока онъ не дошелъ до признанія того, что сама красота въ мірѣ въ плѣну, что не она можетъ насъ спасти, но что ее нужно спасать. Это разрушало не только эстетическую утопію, но по существу разрушало весь наивный натурализмъ, освобождало его пониманіе христіанства отъ той натурализаціи, которая не давала Достоевскому до конца понять всю тайну церковности и ея прохожденія черезъ исторію, черезъ міръ.

Достоевскій умеръ, не досказавъ того, что ему открылось. А намъ можно досказать его мысли до конца лишь въ томъ случаѣ, если мы поймемъ діалектику исканій Достоевскаго, поймемъ, почему красота стала для него «загадкой».

В. В. З ѣ н ь к о в с к і й .